

Так случилось, что имя святого старца иеросхимонаха Арсения Афонского, уроженца Балахны, даже у нас, на нижегородской земле, не слишком известно. Редкие словари его упоминают. А между тем по духовному его подвигу, по роли его в сохранении и утверждении православия в мире я бы без колебаний поставил его в один ряд с другим прославленным нашим земляком Серафимом Саровским.

Поскольку судьба старца неразрывно связана с Афоном, с Афона и начнем.

Итак, Афон, или по гречески Агион орос, то есть «Святая Гора», расположен на Халкидонском полуострове. На карте северо-востока Греции, в греческой Македонии, видна как бы рука трехпалая, вдающаяся в Эгейское море. Северный «палец» и есть полуостров Афон, длиной до 60 километров, шириной до 10 километров, высотой около 2000 метров. Климат благодатный, снег бывает редко и ненадолго, птиц мало, зверей почти нет. Роскошная растительность: лимоны, апельсины, груши, орехи, каштаны, виноградники. Удобные гавани и легкое сообщение по морю. Люди здесь давно, однако точных сведений раньше IX века мало. Сами монастыри у христиан появляются в IV–V веках, а на Афоне в X веке. Русский монастырь святого Пантелеимона основан в 1080 году.

Напомним, что монастыри сразу и всегда были центрами духовного просвещения и развития церковных искусств (письменности, иконописи, хорового пения и т. п.). Ближайший большой город на материке – Салоники, или Солунь, и случайно ли основателями славянской письменности-кириллицы считаются солунские братья Кирилл и Мефодий?

С Афона же пришел и основатель Киево-Печерской лавры святой Антоний. Отсюда же в XIV веке пришел на Русь и исихазм (от греч. *исихия* – молчание, безмолвие), ставший духовным стержнем и русско-го монашества. Он возбранял монахам пустые разговоры и утверждал приоритет дела, привил сильную мистическую струю, превратившуюся в принцип русской жизни и спасшую русское мировоззрение от уклонов и тупиков рационализма. Теоретиком исихазма является афонский монах Григорий Палама. На Руси же живым воплощением этого учения стал Сергей Радонежский.

Афон формально считается греческой территорией, но по факту это единственная в мире самостоятельная монашеская республика. Верховная власть здесь принадлежит Священному Киноту, который состоит из делегированных в него представителей афонских обителей. На Афоне расположено 20 больших монастырей, 12 скитов и до 700 отдельных келий. Монахов здесь бывало до пяти и шести тысяч в среднем, в иные времена доходило до двадцати и даже сорока тысяч. Нет ни городов, ни деревень, не допускаются ни женщины, ни даже животные женского пола.

Монастыри в XIX веке были кинонии и идиоритмические.

В кинониях, то есть общежительных монастырях господствует «строжайший коммунизм» (выражение из «Русского Вестника», 1873, кн. 4, с. 654), никто не имеет ни права личной собственности, не держит ни денег, ни пищи в своей комнате без редкого и исключительного позволения начальства. Ведь монах должен уничтожить в себе своеволие и подчиниться Божьему замыслу, посредником же и толкователем Божьей воли становится духовник. (Великий философ Константин Леонтьев был консулом в Салониках, долго жил на Афоне, пытался стать монахом и понять смысл монашеской жизни. Он понял необходимость отрицания собственной воли (своеволия) и высказал оригинальную мысль, что кинонии могут быть прекрасным образцом для изучения основ коммунизма, «который, как частное проявление общественной жизни, возможен, но лишь под условием величайшей дисциплины и даже, если хочешь, страха». Коммунизм не изобилие (Хрущев), а долг и дисциплина (К. Леонтьев). К этому философу мы еще вернемся.)

Не разрешается в кельях без позволения начальства беседовать по двое или по трое, нельзя иметь лампы или свечи для чтения без спроса, нельзя выйти за ворота. На Руси, например, у Сергия Радонежского в монастыре был именно такой тип монастыря, а после XIII века в России все монастыри общежительные, а с середины же XX века – и все православные монастыри в мире. Монастыри задавали идеал христианской жизни, и случайно ли на Руси у народа, как выражался, по свидетельству В. Шульгина, князь Долгорукий, не выросла шишка собственности?

Идиоритмические можно перевести как своеобразные. «Идиот» по-гречески значит «частный» или «личный», отсюда и уклад в таком монастыре принципиально другой. Подчиняясь определенному общему уставу, монахи имели право жить сравнительно свободно. Общего обязательного стола нет, каждый может есть в своей келье, один монах может быть богат, а другой не иметь ничего. Всех своих денег отдавать в кассу монастыря, как в кинониях, монах не обязан. Всем выдавалось нечто

общее из кладовых (масло, мука, яйца и т. п.), а сверх того каждый мог приобретать все, что хочет. Некоторые занимали в таком монастыре по пяти, шести и десяти комнат, имели в банках или в своих сундуках большие деньги помимо того вклада, который они внесли в кассу обители для получения комнат или других привилегий. Они одевались в шелковые рясы, сидели на широкой турецкой софе, ели мясо в скоромные дни (в русских монастырях это запрещено), а в постные рыбу, ездили порой в Афины, Стамбул, Одессу, Кишинев и т. д. Таких было примерно 5% в обители. Остальные монахи были бедны, работали при церкви, служили, варили кушанье, месили хлебы, рубили дрова. Все они получали небольшое жалованье, на сторону работать не могли. Любой монах в таких монастырях не обязан был ходить на службы в церковь, мог прочесть молитвы у себя в келье. Пища, одежда, общество на его усмотрение. Он мог пригласить кого-либо пообедать с ним, побеседовать, помолиться вместе, погулять. Конечно, нельзя было не держать постов, ходить без разрешения в другой монастырь или на ярмарку.

Идиоритмические монастыри существовали на Афоне издревле и лишь недавно упразднены.

Монахи на Афоне могут жить и в келлиях – небольших скитах. Для этого они покупают землю у монастырей, которые поделили меж собой весь полуостров. По этому договору покупатели имеют право иметь особую церковь, большой дом, посадить виноградник, масличные деревья и огороды, завести скот, построить домашние пристройки и иметь не более 15 человек братии. Договор заключается на старца и его двух учеников, которым в случае смерти старца по старшинству отходит келлия и все достояние. Жизнь в келлиях нестрогая, но столь же общежительная, как в киновиальных монастырях.

Бывают еще и кавиоты, или отшельники, имеющие небольшие домики, но без церквей, сада и огорода. Они имеют право взять в сожители одного монаха без права наследования земли, которая по смерти отшельника отходит монастырю. У них есть какие-то деньги. А есть и сиромахи, у которых никаких денег нет. Живут они в пещерах, землянках, иногда на скопленные деньги снимают теплый угол у кавиотов как квартиранты. Одежду, хлеб, сухари и изредка деньги они получают из монастырей, а на другие надобности вынуждены зарабатывать вытачиванием ложек, крестиков, вязанием четок, шитьем одежды, башмаков и другими ремеслами.

В церковном отношении Афон формально подчинен вселенскому, то есть Константинопольскому, патриарху, однако же тот имеет право вмешиваться в дела афонцев только по их просьбе. Вся территория Афона принадлежит монастырям на основании грамот, полученных от византийских императоров и подтвержденных турецкими султанами. Центр Афона – Карея, прежде скит, а теперь резиденция монашеского управления. Здесь расположены подворья всех монастырей. По субботам здесь бывает торг, трижды в год ярмарки, монахи сбывают свои изделия купцам, у которых здесь лавки. Светская власть также представлена на Афоне. Здесь есть губернатор, полицейские, почтовые служащие, торговцы, ремесленники, персонал медпункта и недавно открывшегося отделения банка. Губернатор назначается Министерством иностранных дел Греции, он отвечает за безопасность и порядок на Афоне. В Карее есть тюремная башня, где на хлебе и воде сидят осужденные советом, кузница, бойни баранов, до 120 домов; постоянно живущих монахов, прислуги, купцов и ремесленников до 700 человек.

Как видим, совсем стать совершенно независимыми от мира и монахи, даже и объединенные в республику, не могут. Сохраняются и другие противоречия. Так было и во времена Арсения. Конечно, в Писании сказано: «Нет ни эллина, ни иудея», однако в миру они есть, и национальные различия мешают жить людям. Еще в «Деяниях апостолов» говорится о том, что «произошел у Еллинистов ропот на Евреев». На Афоне живут греки, сербы, молдаване, болгары, грузины, русские, украинцы (во времена Арсения их называли малороссами), и с этим приходится считаться.

Арсений Афонский жил на Святой Горе в XIX веке в период господства турок над Грецией и Афоном, поэтому надо сказать несколько слов о турецкой власти. Ислам, как известно, появился в VII веке и сразу стал бурно распространяться, сначала с арабскими завоеваниями, затем арабов сменили турки. В 1453 году турки завоевали Константинополь (который с тех пор стал Стамбулом), а вся Греция с Афоном стала турецким владением. Турецкие завоевания продолжались сотни лет, однако период «бури и натиска» в конце концов закончился. В 1571 году в битве при Лепанто (автор «Дон Кихота» Сервантес участвовал в этой битве и потерял там руку) турки были разбиты на море, и прекратилась их морская экспансия. В 1683 году польский король и великолепный полководец Ян Собеский разбил турок под Веной и тем самым прекратил их экспансию на суше.

В XVII–XVIII веках сужение турецкого влияния продолжалось. В 1768–1774 гг. Русско-турецкая война, проявившая гений фельдмаршала Румянцева – его громоподобные победы при Ларге и Кагуле, переход Дуная сделали его Румянцевым-Задунайским, – разгром турецкого флота в Чесменском бою, взятие Крыма показали растущую мощь русских и ослабление турок. Следующая война 1787–1791 гг. проявила гений флотоводца Ф. Ушакова и полководца А. Суворова. Морские битвы у Керчи, Тендры и Калиакрии, сухопутные у Кинбурна, Фокшан, на Рымнике, взятие Измаила, взятие Очакова Г. Потемкиным, разгром турок в Мачинском сражении Н. Репниным продолжили быстрое уменьшение турецкой силы и соответственно турецкой империи. В начале XIX века русско-турецкое противостояние продолжалось. В войне 1806–1812 годов турки потерпели тяжелое поражение в Афонском морском сражении, в котором адмирал Д. Сенявин нанес сильнейший удар по их морским силам, а к Афону война приблизилась очень близко. В этой же войне Кутузов блестяще победил в Рушукской битве турецкую армию.

Это перечисление необходимо, чтобы предметно представить многовековую обстановку жизни Афона.

И наконец, в 1821 году начинается греческое восстание – война за независимость. Партизанская война была воспринята турками как предательство и обман, нарушение всех договоренностей, существовавших между властью и христианскими организациями. Это привело обычно достаточно веротерпимых турок в весьма раздраженное состояние. Последовали карательные акции с их стороны. В Стамбуле был повешен вселенский патриарх Григорий, брошен в воду, два дня его труп носило по волнам, прежде чем он был подобран русским судном и вывезен для погребения. Турки ограничили не только посещение, но и всякое сообщение с Афоном. Вооруженные турки вошли на территорию Афона, где начались избиения и убийства с грабежами. Монахи были убиты или разбежались. *Афон умирал*. Остались случайно выжившие и нигде не показывавшиеся люди. Такова была обстановка к появлению на Святой Горе будущего святого старца Арсения.

И во время его жизни на Святой Горе жесткое противостояние с турками продолжалось. Греческая война за независимость продолжалась до 1827 года. В 1828–1829 была еще одна Русско-турецкая война. А в 1830-х годах египетский паша Мухаммед Али вышел из повиновения турецкому султану и повел войска на Стамбул, однако был остановлен русским десантом и с Россией не стал сражаться. Почему-то самый красивый и могущественный мужчина Европы русский император Николай I посчитал необходимым сохранить существующее положение. Иными словами, для христиан в период подобных обострений в турецкой империи время было тяжелое, да еще добавлялись противоречия и склоки между болгарами и греками, между русскими и греками, между малороссами и русскими.

Далее обратимся к тому, что писал об Арсении Афонском его духовный сын игумен Парфений (Агеев).

В жизнеописании говорится, что родился будущий старец Арсений в Балахне Нижегородской губернии от благочестивых родителей-мещан, фамилия которых не сохранилась. При рождении он был наречен Алексием. В юности обучался чтению и письму. С раннего детства с увлечением читал Божественное и святоотеческое писание. На двадцатом году жизни оставил дом и пошел странствовать по русским монастырям. В Московской губернии в Пешношской общежительной обители три года проходил различные послушания. Затем собрался путешествовать в молдавские монастыри, в то время славные своими подвижниками. Его духовный отец старец-игумен отговаривал, однако в конце концов благословил на этот путь. Алексей дошел до Киева, поклонился Киево-Печерским чудотворцам, нашел себе спутника Никиту из Тульской губернии, с которым впоследствии сорок лет подвижничал вместе. В Молдавии они обошли все монастыри и скиты, нашли духовного отца в Балашевском скиту. Он и постриг обоих в монашество, Алексей стал Авелем, а Никита – Никандром. Он же настоял, чтобы Авель стал иеромонахом, то есть не только монахом, но и священником. 18 лет до смерти старца два друга подвизались в Молдавии, после чего обоим привиделась необходимость идти на Афон.

Что имели, раздали братьям, с собой взяли немного денег и книг и отправились в путь. Никакие уговоры братьев на них не подействовали. Дошли до порта, сели на корабль и приплыли в Константинополь, где и увидели, как христианская кровь льется по улицам, где недавно убили патриарха Григория. Жизнеописатель Парфений пишет: «Сами греки говорили им: Зачем вы, отцы приехали теперь? Захотели разделить с нами горькие минуты? У вас ведь в Молдавии не режут так баранов, как нас здесь режут ежедневно по сто и по двести, и это происходит прямо на площадях, при всех... Отправляйтесь обратно в Молдавию. На Святую Гору вам идти невозможно, хотя бы вы и очень желали этого. По морю корабли не ходят, а по суше добраться до Афона невозможно, потому что всюду рыщут разбойники. И сама Гора Афон полна разбойников, в монастырях же, притесняя монахов, живут турки». С трудом перезимовали в Константинополе. Денег не было, их книги не покупали, жили милостынею, подвергаясь всяким надругательствам.

Весной оставили книги у одного грека, а сами пешком отправились на Святую Гору. Постоянно на них нападали разбойники, побьют, отберут сухари, поиздеваются, однако брать особо у них было нечего. Их и отпускали. Примерно через месяц дошли до Афона. «Вот что увидели они на Святой Горе: жилища монашеские опустели, сады одичали и заросли лесом, монастыри стоят запертые, а ополчение Царицы Небесной разбежалось по разным

странам: иные скрылись по непроходимым лесам, горам и вертепам, иные затворились внутри монастырей – и мало кого из них можно было увидеть. Русский монастырь вовсе запустел и стал прибежищем диких зверей. Братия его скиталась по Святой Горе, не имея места, где главы приклонить».

Странники пошли в Иверский монастырь, где была чудотворная икона Царицы Небесной – покровительницы Афона, помолились ей и просили принять в свой удел. Икона была украшена золотом, серебром и драгоценными камнями. Отцы наши спросили греков, почему она не спрятана, почему турки не похитили драгоценности, ведь турок полон монастырь. Греки ответили: «Вот уже третий год живут в монастыре, а еще нога их не ступала в храм. Когда разозлятся на нас, начинают требовать от нас золота и серебра и церковной утвари, то мы отвечаем, что не имеем их, хотя на самом деле все спрятано... Показываем им эту святую икону и говорим: “Вот на иконе много золота и серебра и дорогих камней, если вам угодно, то возьмите себе”. Они же, стоя в дверях, говорят: “Мы не можем к ней подступиться. Нас одолевает страх. Вон она на нас как сердито смотрит!” – и отходят посрамленные, не в силах что-либо сделать. ...Еще скажем вот что: год тому назад великое было смущение и тревога на Святой Горе, так что и оставшиеся отцы, афонские жители, хотели бежать отсюда вон. До этого смущения пребывало на Святой Горе всей братии до сорока тысяч, а ныне осталось не более одной тысячи. Да и те хотели оставить свое место и бежать кто куда». Однако многим явилась Богородица и сказала, что пока ее икона в Иверском монастыре, то бояться нечего. Пришельцы провели в обители неделю, а потом им предложили одну келью в скиту Иоанна Предтечи с малой церковью. Отцы наши стали жить там, возделывали огород, резали ложки... Но рукоделие их никто не покупал. Продолжалось смутное время более 4 лет. Голодно, хлеба не было, однако собрали они себе великое богатство духовное – душевное спокойствие и безмолвие – соединение ума с Богом. Отцу Авелю дал Господь дар рассуждения и прозорливости, а отцу Никандру дар слез, так что он плакал о грехах своих до самой смерти.

Далее жизнеописатель рассказывает:

«Когда после смутного и скорбного времени послал Господь Бог на землю мир: пропали все разбойники, всюду настала тишина и спокойствие, – тогда и братия вновь стала сходить на Святую Гору. Тогда и православные христиане потекли на поклонение к ее святыням. И отцам нашим стало легче. Начало продаваться их рукоделие. Пришел один купец и купил все, у кого что было. Отцы продали свои ложечки и получили за них две тысячи левов, то есть 400 рублей. Отец Авель сказал тогда отцу Никандру: “Да, теперь поправим все наши нужды”.

Однако в скором времени пришел к ним один мирянин просить милостыню. Отец Авель спросил его, откуда он и какую имеет нужду. Мирянин стал отвечать ему со слезами: “Я, отче святой, с острова Хиоса. Жену и детей моих турки взяли в плен. Требуют за них пять тысяч левов. И я собираю их уже два года. Набрал, слава Богу, три тысячи, а две тысячи еще надобно. Бог даст, и это помаленьку соберу”. Услышав это, отец наш сказал ему: “Зайди ко мне в келью, и я чем-нибудь помогу тебе”. Тот зашел, отец же наш вынул все деньги, что имел, и отдал ему со словами: “Возьми, иди и выкупи жену свою и детей”. Мирянин же, не в силах поверить ему, говорил: “Отче святой! Что глумитесь надо мной?! Мне и без того тяжко. Дайте мне один лев, и я пойду”. Отец ему отвечал: “Нет, чадо, я не глумлюсь над тобой. Как могу я обижать человека с такой бедой! Возьми все да иди с Богом”. Пришедший к отцу заплакал, не зная, как ему поступить, а отец вложил ему деньги за пазуху и проводил его до двери.

Отец Никандр, видя это, заплакал горькими слезами и сказал: “Отче, что ты наделал! Зачем ты отдел все деньги? Четыре года мы трудились и думали покрыть все свои нужды, а теперь вновь будем иметь скорби”. Отец же наш ответил ему: “Ох, отец Никандр, разве мы будем совершенными монахами?.. В самое трудное время Господь не оставил нас, пропитал... Теперь, слава Богу, рукоделие продается. Вновь будем работать да продавать плоды наших трудов, а лишние деньги отдавать Богу. Зачем беречь лишнее?..” Отец Никандр умилился, просил прощения и до самой смерти ни во что не вмешивался, а только плакал».

Вскоре оба постриглись в великую схиму, получив новые имена Арсений и Николай. И стали они жить как старец с учеником, и прожили в скиту Иоанна Предтечи десять лет. Потом они перешли в келлию во имя святителя Иоанна Златоуста. Восстановили разрушенную келлию и стали жить по пустынному уставу и не занимались ни садом, ни огородом. В это время прославил Господь отца Арсения. Жизнеописатель пишет, что со всех уголков Святой Горы шли к нему для исповеди и духовного руководства, особенно иеромонахи и иеродьяконы, жившие в греческих монастырях. Вскоре и для всех русских он также стал духовником. И не только великороссы, но и малороссы, болгары, сербы и молдаване приходили к нему за советом. И греки почитали его за великого старца, нередко смиренно прибегая к его мудрости. Имя отца Арсения почитали на всей Святой Горе, многие просились к нему в ученики, жить вместе с ним и отцом Николаем. Однако они никого не принимали, считая, что с ними никто жить не сможет – слишком тяжело. С того времени, как они пришли на Святую Гору, отец Николай прожил 19 лет, а отец Арсений 24 (пришли в 1822-м). И не вкушали они ни рыбы, ни сыра, ни вина, ни масла. Пищей для них были сухари, которые они носили на своих плечах из Иверского монастыря к себе на гору (примерно полчаса ходу).

Еще любили черные квашеные баклажаны, посыпанные стручковым красным перцем. И всегда ели один раз в день в третьем часу пополудни, а в среду и пятницу не ели вообще. Распорядок дня у них был такой. После трапезы до вечерни чтение духовных книг. Затем вечерня, повечерие, молитвы, затем ночь с молитвой, спали сидя час или прохаживались. Часов у них не было, но до них доносился колокольный звон с Иверского монастыря. В полночь молитва, потом утреня по уставу, после канон Пресвятой Богородице с акафистом. С утра резали по десять ложек на брата, работая в разных местах, и всегда с умной молитвой. Напомню, что исихасты постоянно читали короткую умную молитву: «Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй мя грешного. Аминь».

Часто посещали их насельники Святой Горы и миряне. Если кто начинал при них говорить осуждающе о своем брате, то они прекращали беседу. Всякого ближнего любили больше, чем самого себя, что ясно показывали их дела. Кто бы к ним ни пришел с какою нуждою, они никого из келлии своей не отпускали унывающим. Кто телесной ради нужды скорбел, того они поддерживали материально, если даже это было сверх сил. Последние свои книги отдавали в залог, чтобы помочь ближнему, а уж после того, как им поможет Бог, выкупали их обратно. Кто душевную скорбь имел, того утешали благими своими беседами. Бедные имели в них помощников, скорбящие – утешителей, немощные грехами – скорое исправление и освобождение от них.

Так писал о них иеросхимонах Парфений (Агеев) и приводил множество примеров. Ведь ему они помогли также. Когда инок Парфений пришел на Афон, то не имел никаких средств для жизни. И старец Ар-

сений дал ему денег на покупку набора инструментов для последующей работы и заработка. Однако денег не хватало на покупку. Тогда старец дал ему свои книги для залога, дескать, потом выкупим. И пока инок Парфений шел в Карею для покупки и залога, то от чувства признательности неоднократно прослезился.

У отца Арсения первый вопрос ко всем приходящим был таков: «Доволен ли ты брат, не имеешь ли какой нужды?» Многие из учеников отца Арсения не могли вместить его образа жизни и нестяжания. И говорили: «Кто может вместить твое нестяжание? Что Господь нам пошлет, то ты раздаешь прочим». Он же говорил им: «Всеми силами старайтесь очищать внутреннего человека и не принимать никаких прилогов дьявольских». Понимая, что не все могут вынести его образ жизни, он их отпускал жить отдельно, но только на Святой Горе.

Отец Арсений сделал на Святой Горе великие распоряжения, и никто не мог ему противоречить.

Эта фраза иеросхимонаха Парфения показательна и важна: пришлось старцу Арсению разрешать склоки и между монахами. О противостоянии греков и славян на Афоне много писал В.А. Маевский. К сожалению, возникали трения и между самими славянами. Приехал из Саровской пустыни на Афон иеромонах Палладий и определился жить в скит Святого пророка Илии, однако быстро умер. Живущие в ските малороссы нашли после него «лестовку и малую манатейцу». «Лестовка» происходит от «лестница» на русском, своего рода четки для подсчета молитв и поклонов, а «манатей», видимо, мантия, то есть облачение высших монахов. Малороссы взбунтовались, посчитав это претензией на главенство русских, раскричались, что это раскол, что этому покровительствует недавний настоятель обители духовник отец Арсений. Жалобу послали патриарху, и он потребовал к себе старца. Собрались и пошли к патриарху пешим путем в 1000 верст старец Арсений и его сотоварищ монах Николай. Патриарх их выслушал, все понял, удивился, что пеши шли, ведь это тягота большая. А лестовку и манатейку они объяснили тем, что в Саровской пустыни имеют такое для келейного правила. Патриарх дал им денег на морской путь и написал, чтобы таких старцев не беспокоили клеветой, иначе клеветник будет отлучен от церкви. По благословию отца Арсения игумен Ильинского скита иеромонах Павел уступил в споре за игуменский пост братьям-малороссам и оставил им свою должность, благодаря чему сохранились добрые отношения между малороссами и великороссами. А чтобы снять оставшиеся противоречия, отец Арсений дал благословение молодым подвижникам организовать новый скит специально для великороссов.

По его же благословию иеросхимонах Аникита (бывший князь Ширинский-Шихматов) принял приглашение греков и поселился в древней русской обители. Своими и собранными деньгами бывший князь очень сильно помог монастырю, оплатив все его долги и нужды, фактически сделал его самостоятельным. Однако уже без благословения (согласия) Арсения рекомендовал не того человека в руководители монастыря. Явно духовидения (понимания) сути и смысла, возможностей и способностей (самования) людей Аниките не хватило, а из послушания и дисциплины он вышел. Результат был печальным. Монастырь опять залихорадило. Вот тогда Арсений и рекомендовал по обращению монахов другого духовника. И по его же, отца Арсения, благословию духовно возглавил монастырь молодой отец Иоанникий, будущий Иероним, порекомендовавший в настоятели Макария, который успешно управлял потом десятки лет.

Славился отец Арсений и своими чудотворениями. Например, в 70 лет с большими ногами он проделал путь за сутки в 75 верст по горам (для обычных людей трехсуточный). Внешний вид отца Арсения описывают так. Он был среднего роста, борода средняя с проседью, голову держал всегда наклоненной на правое плечо. Лицом был чист и светел. Характер имел веселый, но очи его всегда были полны слез. Был весьма сух, но на лице его всегда играл румянец. Речь у него кроткая, немногословная и приправленная духовной солью. Старец был весьма начитан и всегда подкреплял свои доводы свидетельствами из Священного Писания. Говорил и приводил свидетельства Писания наизусть, чему немало удивлялись и ученые люди.

Умер великий старец 24 марта 1846 года. Он оставил преемника. Спросили его ученики: «На кого оставляешь нас?» «Возложив слабеющие руки на голову отца Иеронима (Соломенцова), великий старец сказал: “Вот ему оставляю вас, ему передаю все”». Велел подходить к нему на благословение и на благословение к преемнику своему, новому общему духовнику отцу Иерониму. Так отец Иероним был возведен на новое высокое служение рукою своего умирающего духовника и старца.

Обращаю внимание читателя на то, что отец Арсений Афонский был безусловным духовным руководителем Святой Горы и оставил такого же руководителя, почему он и считается восстановителем Афона после страшного времени 20-х годов XIX века. Уже поэтому он и достоин всемерной памяти нашей, его земляков, и всего человечества.

А теперь я попытаюсь рассказать о сути духовного руководства. Необходимость в этом есть. Вспомните современный «телеязык», который не всегда можно понять и мне, человеку с высшим образованием и со знанием английского языка. Все эти «лайфхаки», «вау», «хаблы», «синглы», «баттлы», «хорроры», «баннеры» не просто раздражают, но и требуют перевода. Видимо, и церковные термины, сами понятия и форма изложения требует перевода, пояснения. Неслучайно католики считают правильными «священными» языками древнееврейский, греческий и латынь, ведь они не искажают изначальный смысл. Конечно, искажений в таком случае нет, однако все ли знают древние языки? И что проще и действенней – выучить эти языки или попытаться постичь смысл учения под руководством знающих людей всем прихожанам? Ведь и католики нередко не понимают церковных текстов. И конечно, многие неверующие и атеисты не понимают традиционных христианских текстов. Терминология чужда, кажется ненужной болтовней, этакой «аллилуйщиной», как выразился один мой собеседник. По словам другого критика христианства, «все эти “паки, паки, иже херувимы” внушают, однако непонятны». Думается, что и среди православных верующих мирян немало не очень понимающих смысл этих текстов. Они с терминологией не спорят, но термины кажутся им просто «церковными» хорошими словами, полностью воспринять их как прямое учение и указание к действию, к сожалению, не могут. Поэтому мне кажется не лишенным смысла передать сущность жизни и понятий «молчальников» другими словами, может быть, излишне разговорными. Попытаюсь перевести или объяснить то, что не всем ясно.

Ведь что значит «Афон – удел Богородицы»? Если смысл христианства в том, что Бог стал человеком для того, чтобы человек стал богом, то «удел» означает своего рода покровительство Богородицы над экспериментальной площадкой по превращению человека в идеальное существо, в образ и подобие Бога. В подобие – поскольку Христос

имеет двойную природу и Бога, и человека (это у армян-монофизитов он только Бог, в этом случае невозможно становиться подобием). Человек – единственное существо в мире, не рождающееся с готовыми социальными навыками и предопределенным, изначально заданным мировосприятием. Человеческий ребенок, по рождении попавший в стаю волков, становится не человеком, но волком, – история Маугли всем известна. Для того чтобы стать человеком, надо приложить усилия и воспитателям, и самому человеку. Развитие личности продолжается всю жизнь. Монастырь и «удел Богородицы» предоставляют собой идеальный вариант для этого. Человеку может казаться, что он уже стал совершенным, но достаточно измениться условиям, как он, к ужасу своему, обнаружит, что он что-то вроде апостола Петра, трижды предавшего своего Учителя, и до совершенного состояния ему очень далеко. Христианство и говорит этому человеку, что надежда у него есть, надо не отчаиваться, надо стремиться вверх.

А как стать совершенным, если даже под руководством Христа был не только Петр-отступник, но и Иуда-предатель? Апостолы появлялись под прямым воздействием Христа (Саул-Павел) или под влиянием смерти и воскресения Иисуса. Так влиять человек не может, а потому кто же скажет про себя «свят есть»? Исключительно труден этот путь, и в этом мире невозможно его пройти полностью. Чтобы встать на эту дорогу и не сойти с этого пути или, сбившись, вовремя возвращаться на него, необходимы наставники-учители, старцы-духовники, исповедь и послушание. А кто может быть старцем и учителем-наставником? Это не тот, кто щеки надул, много книг прочитал и кто красно говорит, таких мы сегодня нагляделись. Это тот, кто своей жизнью показал, что он реально живет по тем законам и принципам, которые хочет привить ученику, и тот, кто обладает способностью обучить и руководить. Отсюда постоянная сосредоточенность на правильном пути и постоянное ощущение себя несовершенным. Для этого существует постоянная Иисусова молитва: «Господи Иисусе Христе, помилуй меня грешного».

Наставник лучше знает лучше, как достичь высот человеческих. Отсюда и дисциплина-послушание, отсюда и благословение – разрешение на твои будущие поступки. И исповедь очень помогает в этом движении. Рассказал духовнику о своей жизни и сложностях ее, ответил на вопросы исповедника, и взгляд опытного человека со стороны и не затронутого твоими сомнениями и страстями, увидит твои недостатки и причины их, и если ученик даже не сразу поймет и не согласится с выводами учителя-духовника, то в силу послушания и благословения пойдет правильным путем к вершинам человеческого совершенствования. Стоит вспомнить монахов Иверского монастыря, куда пришли два русских странника в 1822 году. Можно сказать про них, что они молодцы – сохраняли монастырь, икону, богатства обители. А можно сказать и так, что уйдя с Афона они попадали в никуда, могли быть ограблены и зарезаны, ведь в мире шла война. И потому не ушли они из монастыря из страха, с Афона, а богатства припрятали для себя, а не для будущего обители. Русских путников накормили не из христианских побуждений, а предполагая в них русских лазутчиков, ведь русские войска рядом. Русский император выступает покровителем всех православных, и он явно сильнее турецкого султана, значит, нужно у будущих владетелей заслужить это покровительство. Это я говорю не о конкретных монахах, а о сложности понимания сути человека. Как стать прозорливым и понимающим? Нужно хорошо видеть и понимать все, даже самые потаенные, мотивы поведения человеческого.

Вспомним уникальную книгу В. Богомолова «Момент истины (В августе 44-го)». В ней очень точно отражена важность поиска и понимания реальных мотивов поступков человека. На переднем крае все более-менее понятно – где враг, где друг. Но враг, фашистская орда становится все изощреннее. Важно спрятать свои мотивы и не болтать, и необходимо понять мотивы, а значит, и будущие поступки врага. Но не все на это способны. Это зависит от «самования». Я понимаю этот термин как своеобразную замену слов «самость», «сущность», «внутренний смысл роста личности», «личные способности», «личные таланты и возможности роста». Кто-то в силу личных особенностей (воспитания, образования, ума, опыта, обстоятельств) может быть золотым, кто-то серебряным, кто-то медным, но жить и поступать приходится уже сегодня.

Контрразведчик Таманцев видит маленького мальчика, 3-4 лет, сына русского командира, захваченного фашистами и перевозимого переодетыми в советскую форму нацистскими разведчиками для маскировки. После убийства фашистов малыш кричал и горько плакал потому, что тетенька (фашистка) казалась ему единственной спокойной опорой в этом сумасшедшем мире. И малыш не враг противникам фашизма, его нужно пожалеть. Или белоруска с маленькой дочкой, прижитой от нацистского разведчика-поляка. Она жила в чужой семье во враждебном окружении с 14 лет, конечно, не могла разобраться во всей сложности жизни, и советские контрразведчики, убившие ее мужа-любовника, кажутся ей врагами, ибо они разрушают ее мирок. Но на самом деле она не враг, она временно запуталась в хитросплетениях мира. Таманцев это понимает и оставляет ей продовольственный паек. Она не враг. А вот плохо относящийся к этой девушке сосед-горбун, когда-то помогавший партизанам, вызывает у Таманцева неприязненные чувства, поскольку у этого жлоба зимой снега не выпросишь, а партизанам он помог на всякий случай, ведь они (советские) явно начинают побеждать.

И последняя схватка в этой книге. Берут исключительно профессионального и страшного фашистского диверсанта Мищенко, русского по происхождению и врага по сути своей. И здесь же опять это самое «самование» во всей наглядности. Внешне враг Мищенко может казаться другом. Он и создает этот внешний образ. Привлеченный к операции контрразведчиков замкоменданта городка, боевой офицер, неправильно понимает происходящее, считает Мищенко товарищем, а ломаную речь контрразведчика – показателем тупости и необразованности, и отходит от инструкции, переступает запрещенную линию и погибает. Замкоменданта не враг, но дисциплины ему не хватает. А в бою это обязательное качество, нет его – и гибель.

Можно привести из этой же книги и противоположные примеры, говорящие о различной высоте людей, их способности к трезвой самооценке. То же «самование» можно приложить и к контрразведчикам. Старший лейтенант Таманцев – боевой скорохват, уникальный специалист по боевому прямому контакту, однако понимает, что у него «чердак слабо мебелирован», а подполковник Поляков, по словам Таманцева, «если не бог, то заместитель бога по розыску». Эти примеры могут не убеждать, читатель может сказать что-то вроде «подумаешь, разные люди, ну и что?». Однако стоит вспомнить, что от понимания мотивов и смысла действий этих людей зависит жизнь и счастье сотен тысяч, если не миллионов, людей в громадной схватке с сатанинской ордой.

Так и духовник должен понимать сущность и смысл пришедших к нему за советом мирян и монахов, представлять ближние и дальние

последствия предполагаемых поступков и поведения в конкретных обстоятельствах руководимых им людей. Человек может не понимать смысла и значения рекомендаций, однако самое правильное – получить благословение духовника и его рекомендации выполнить. Это и называется послушание.

И, наконец, духовник и начальство. Соотношение их такое же, как у мудрого учителя и директора школы. Или у гениального конструктора и директора завода. Или у гениального ученого и ректора вуза. Сталин звонил артиллерийскому конструктору В. Грабину и спрашивал о том, как помогает ему директор завода Елян (не наоборот!), не стоит ли сменить директора. Большому ученому не нужно быть начальником. Помню разговоры с учеными нашего Горьковского университета академиком Г. Девятыми и с заслуженным деятелем науки, профессором А. Анисимовым о ректорстве. Каждому предлагали возглавить университет, и они отказывались. Почему? Оба объяснили одинаково: ведь любые бумаги мне и так подпишут, а заниматься хозяйственной дребеденью неинтересно, да и государственно нерентабельно, ибо ректор их не может заменить, а они ректора могут.

Так и духовник и настоятель монастыря – не равноценные фигуры. На настоятеле лежит много других вопросов, хозяйственных, организационных, политических. Однако назначить старцем-духовником он никого не может, духовный авторитет признается учениками, последователями, массой. А вот когда назначил отец Арсений отца Иеронима духовником Руссика – русского Пантелеимоновского монастыря, а тот в свою очередь благословил (рекомендовал) настоятелем обители другого монаха, Макария, – никому и в голову не пришло возражать.

И еще о Константине Леонтьеве. От афонского подвижника – через того же Иеронима – протянулась незримая духовная нить и к великому русскому философу Последний, будучи консулом в Салониках, ближайшем к Афону большим греческим городом, пытался стать монахом на Афоне. Отца Арсения он не застал, а вот общение с его учеником Иеронимом было весьма тесное, и влияние отца Иеронима серьезное. Леонтьев искренне хотел стать монахом (в конце концов им и стал, только в Оптиной пустыни), однако духовник отец Иероним не благословил. Почему? Во-первых, потому что негоже уходить в монахи, когда с женой не разобрался. Есть ли у нее на жизнь средства? Если решена эта проблема, то возникает другая. Ведь люди о супруге что будут говорить? Злые языки скажут, что она так плоха, что от нее муж убежал в монастырь. Нельзя начинать хорошее дело (уход в монахи) с усложнения и ухудшения жизни других. Ведь путь в ад и путь в рай есть продолжение одного пути, просто разветвление в самом начале может быть всего лишь несколько сантиметров. А разве консульская деятельность не оказывается брошенной? Кто ее подхватит и как поведет? Возникает множество вопросов, без решения которых уход от мира не становится уходом в совершенную жизнь. И Леонтьев не пошел тогда в монастырь. Решал жизненные вопросы и только через большой период времени посчитал, что он готов к монастырю, и стал монахом. При этом он предоставил в Оптину пустынь рекомендации от отца Иеронима и отца Макария.

Обратите внимание: не философ Леонтьев учит Иеронима, а Иероним философа. И произносит речи так, что философ понимает, что слышит то, что созревало в душе его и что он со временем напишет. И он написал. В это время Леонтьев обдумывал, готовил, а несколько позже

в России написал две знаменитые работы. Одна большая – «Византизм и славянство». А вторую, меньшую, я рекомендовал бы почитать всем. Названа она блестяще: «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения!» Почему я обращаю внимание на эту работу? Ведь иногда кажется, что ушедшие от мира афонские монахи живут только Богом или божественными текстами. А так ли?

Можно ли не заметить, что происходит во время жизни того же отца Арсения и отца Иеронима? Вокруг Афона идет война. Война в 1806–1812-м, в 1820–1827-м – греческое восстание, и, казалось, наступил конец Афону, в 1828–1829-м – очередная Русско-турецкая война, в конце которой русские войска впервые подошли к Константинополю и остановились фактически в предместье столицы, в Адрианополе, а при Иерониме – Крымская война, Синопский морской бой и оборона Севастополя... Можно ли не видеть того, что Россия, по сути дела, была единственным серьезным покровителем православия и Афона на Востоке?

Можно ли забыть, что западные крестоносцы в 1204-м завоевали и разграбили Царьград, создали на территории бывшей Византийской империи собственное католическое царство? И можно ли не заметить двусмысленного и лживого поведения европейского Запада в XIX веке?

В греческом восстании и Наваринском бою Россия действует вместе с Францией и Англией. Но чуть позже Франция и Англия проявляют себя в опиумных войнах в Китае. Под ширмой свободы торговли военной силой заставили Китай разрешить торговлю опиумом. Затем обрушились на Россию в Крымской войне. Эгоизм, подлость, неблагодарность «европейцев» (все больше к ним примыкали и США) проявляли себя все нагляднее.

Несомненно, духовник не мог не понимать происходящее в мире и не мог не передать это понимание своему ученику Леонтьеву. Трудно в данном случае не отметить очевидную связь: великий русский философ Константин Леонтьев был духовным внуком великого старца Арсения Афонского и сыном-учеником отца Иеронима. К сожалению, эта сторона жизни великих православных духовников мало исследовалась в нашей философской, исторической да и в художественной литературе. Мало изучался и исихазм, а это великое наследие просто требует и нашей памяти, и внимания.

В ряду тех нижегородцев, чьи святые имена навеки вписаны в историю России и всего православного мира, начиная от князя Юрия Всеволодовича, княгини Евдокии – супруги Дмитрия Донского, Кузьмы Минина и князя Пожарского, патриарха Никона и протопопа Аввакума, Серафима Саровского и до новомучеников XX века, великий старец Арсений занимает достойное место. Многолетний духовный руководитель (духовник) всего Афона, восстановитель как монашества в целом, так и конкретно русского монашества на Афоне, он многое сделал и для мирян, в смутное время своим громадным авторитетом сумев наладить мирную жизнь обитателей Святой Горы.

Его ученик старец Иероним продолжил его дело. И, следовательно, целая эпоха вызвана к жизни святым старцем Арсением и продолжается по сей день.